

PI-34566

М 70 ЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Р 34566

М. Мишкевич
Трагедия

ИИ

1944

О Г И З
ГОСЛИТИЗДАТ
1944.

ВОЛОГДСКАЯ
ЧИТАЛЬНИЦА
Одд. Библиотека

Славянская библиотека

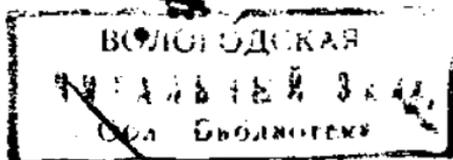

АДАМ МИЦКЕВИЧ

ГРАЖИНА

ПОЭМА

Перевёл польского
А. Жоваленский

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1944

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Творчество величайшего польского поэта Адама Мицкевича (1798—1855) хорошо знакомо советскому читателю. Его стихи и поэмы, являясь своеобразной энциклопедией польской жизни, глубоко патриотичны и народны.

Вдохновляемый национально-освободительными идеями, Мицкевич неоднократно обращался к важнейшему событию истории — борьбе с кровавой германской агрессией. Этой теме он посвятил две свои крупнейшие романтические поэмы — «Гражину» (1822) и «Конрада Валленрода» (1826—1827).

«Гражина» — одно из первых значительных произведений поэта. Основной сюжета этой «литовской повести», как называл молодой Мицкевич свою поэму, послужили летописные материалы и народные сказания о жестокой и упорной борьбе славянских племён и Литвы с Тевтонским орденом крестоносцев. События, описанные в «Гражине», относятся к XIV веку, к периоду, предшествовавшему знаменитой битве при Грюнвальде (1410), которая закончилась разгромом немецких захватчиков.

В центре поэмы стоит светлый и чистый образ литвинки Гражины, пожертвовавшей жизнью, чтобы предотвратить выгодную только немецким псам-рыцарям междоусобную войну, которую хотел начать её властолюбивый муж — князь Литавор. С огромной силой раскрывает Мицкевич нравственное величие своей героини, её непоколебимую верность родному народу. Высокий моральный и этический пафос проникает всё

создание юношеского гения польского поэта. Литавор, узнавший о подвиге Гражины, осознаёт преступность своего замысла и сначала в битве с немцами, а потом смертью своей искупает тяжкую вину перед отчизной. Полны гнева страницы поэмы, посвящённые описанию немцев. Наглые, жестокие, коварные крестоносцы, залившие кровью славянские и литовские земли, душители свободы, вызывают у народа ненависть и презрение. Умудрённый опытом в сражениях и государственных делах, старый воин Рымвид выражает общенародное чувство, когда произносит проклятие Тевтонскому ордену, опасному, как чума, и многоголовому, как дракон. Поэтому так единодушно и охотно поднимаются на заклятого врага литовские воины, ибо они знали, что это — борьба не на жизнь, а на смерть.

Сейчас, когда свободолюбивые народы мира кладут конец многовековой германской агрессии, поэма Мицкевича приобретает новое значение и актуальность.

Г Р А Ж И Н А

Полночь всё ближе. Дышит ветер холодный.
Туман над долом, и луна — высоко:
В тучах, что мчатся завесою чадной,
Бродит и кружит ущербное око...
Весь мир — подобье недвижимого склепа;
Луна — окно, где угрюмо и слепо
Рассвет роится во мгле безотрадной...

У Новогрудка, царя над холмами,
Замок от лунных лучей золотится;
¹⁰ На вал из дёрна и песка ложится
Бурая тень и, ломаясь углами,
Падает в ров, где, зажата тесниной,
Вода вздыхает над зелёной тиной.

Замок и город дремлют грудой чёрной;
Лишь стража ходит от башни до башни,
Тревожа ночь переключкой дозорной...
Вдруг показались — вдалеке, у пашни —
Люди какие-то... Мчатся вдоль луга —
Бегут их тени, касаясь друг друга, —
²⁰ Так быстро мчатся, наверно, на конях,
Так ярко блещут, наверно, в бронях...

Вот кони ржут: над глубоким оврагом
Вдоль вала едут три рыцаря шагом.
Спустились, встали... В трубу боевую
Трубить стал первый сквозь темень ночную.

Раз протрубил он, и второй, и третий.
В ответ на башне грянул рог огромный,
Звенят запоры — и в факельном свете
Сквозь ляг и грохот мост улал подъёмный.

к К воротам стража бежит остальная
Взглянуть на лица и вооруженье:
Муж первый — словно громада стальная —
Одет, как немец, идущий в сраженье.
Чернеет крест на его капюшоне;
Крест на груди; плащ накинут на броне;
Копьё; труба за спиной; сабля сбоку,
И рядом — чётки у пряжки широкой.

Знают литвины язык этих знаков,
И шепчет каждый, наряд разглядевший:
40 «Наглец какой-то из псарни Крыжаков,
От прусской крови вконец разжиревший!..
Когда б здесь было поменьше народу,
Нырнул бы этот негодник в болото...
В лоб кулаком бы... да под мост... да в воду...»
Тот оглянулся, верно, понял что-то, —
Хоть был крыжак он и немец природный,
Но речь людскую разбирал свободно....

«Князь в замке?» — «В замке. Но об эту пору
Посольство ваше уже запоздало.
60 Сегодня вам не попасть к Литавору,
Лишь завтра». — «Завтра? Ждать нельзя нимаго!
Сейчас, немедля, хоть темень сгустилась,
Вы о посольстве ему доложите.
Я отвечаю за княжью милость:
Лишь этот перстень ему покажите, —
Тут слов не нужно, — чуть на герб он взглянет,
Узнает, кто я, и медлить не станет».

Тихо. Над замком сон крылами плещет...
Но что там?.. Осень, — ночи долги, хладны...
40 Зачем же в башне Литавора блещет
Звездочкой малой огонёк лампадный?
Князь был далёко — вернулся лишь к ночи,
Сна, верно, жаждут усталые очи...

И всё ж не спит он. Разведать бы надо...
Но как разведать? Ведь никто из стражей,
Никто из шляхты и никто из рады³
В покой не смеет подыматься княжий...
Посол напрасно и грозит и просит,
Угрозы тщетны: нейдут и для вида...
70 Тогда решают разбудить Рымвида, —
Он людям княжьи веленья приносит,
Первый в совете, первый мчится к бою,
С ним князь сдружился, как с самим собою, —
В лагере, в замке и в любую пору
Он смело входит в покой к Литавору...

Темно в покое. Чуть мигает пламя
Чадной светильни. Ни ветра, ни шуму...
Князь мерно ходит большими шагами. ~
Вот — встал у ложа, погрузился в думу;
80 Речам Рымвида о немцах внимая,
Молчит... Но словно тревога немая
В его лице: то вздохнёт, покраснеет,
То взгляд опустит и вновь побледнеет.
Потом подходит и гасит светильню,
Покой оставив в темноте полночной:
Хотел поправить, дёрнул слишком сильно, —
Вряд ли случайно, скорее, нарочно.

Скрыть от другого в этот час бессонный
Не смог тревоги он необычайной,
90 И не хотел, чтоб слуга-приближённый
Владел господской сердечною тайной.

И стал он снова бродить по покою.
Когда ж прошёл под оконной решёткой,
Лицо внезапно под яркой луною,
В покой проникшей светотенью чёткой,
Всё осветилось голубой волною;
Черты казались суровы и грубы,
Глаза сверкали, и сжимались губы.

Тут к ложу шагом пройдя торопливым,
100 Велел он двери оглядеть прилежно,
Сел и, стараясь говорить небрежно,
Молвил Рымвиду со смехом глумливым:

«Сам ты из Вильны привёз извещение,
Что Витольд славный так доволен мною⁹,
Что мне над Лидой отдаёт княжене⁹,
И земли те, что я взял за женою,
И те, что взяты в военную пору,
Сулит в подарок слуге Литавору!»
«То правда, князь...» — «Так за теми дарами
110 Выйдем достойно, как нам подобает:
Пусть князьки стяги заплещут рядами,
Пускай весь замок огнями пылает;
Где трубачи? Пусть сейчас же, до света,
Поедут в город — и с рыночной вышки
Начнут трубить на все стороны света,
И трубят долго и без передышки,
Чтоб каждый слышал их трубные гласы.
Пусть каждый латы наденет скорее,
Копьё насадит, точит меч острее;
120 Коням и людям готовить припасы:
Женщине мужу дать столько съестного,
Сколько потребно с зари до захода;
Чей конь пасётся — вернуть из ночного,
Дать корма вволю и взять для похода.
Когда ж от края Щорса солнце снова⁹
Лучом осветит гробницу Мендога⁹,

На Лидзской улице — к бою готова —
Пусть ждёт дружина меня — и в дорогу!»

Так князь промолвил. О дорожных сборах
¹³⁰ Шли часто речи. Но он смотрит грозно, —
И почему так внезапно? Так поздно?
Зачем так мрачен огонь в его взорах
И речь несётся вперёд, как лавина,
Как будто слово не догонит слова,
А мнится: это всего половина,
Другая — в сердце застывает снова...
Вид его злое предвещает дело:
Тревога мыслью его овладела...

Князь ожидал, что, согласно приказу,
¹⁴⁰ Пойдёт к дружине советник суровый,
Но Рымвид медлил: он почуял сразу —
И голос князя и каждое слово
Таят под речью, как будто небрежной,
Грозные корни беды неизбежной...

Что делать? Юный властитель, он знает,
Не любит слушать чужого совета:
То, что он в сердце своём замышляет,
Не обсуждает, но таит от света;
Когда ж замыслит — помеха рождает
¹⁵⁰ Лишь гнев в душе, не терпящей запрета...
Но как советник и друг Литавора,
Как рыцарь, славный в литовском народе,
Рымвид не сможет избежать укора,
Коль не сумеет помешать невзгоде...
Сказать? Смолчать? Но, колеблясь недолго,
Всё ж начинает, повинуясь долгу:

«Пан мой, всегда ведь — наш край тебе ведом —
Коней в нём хватит и ратного люду.

Только дорогу укажи, и следом
¹⁶⁰ Пойдём немедля за тобой мы всюду, —

И Рымвид, верно, не последним будет.
Но, пан, не меряй ты мерой одною
С слепым орудьем твоих рук — толпою —
Мужей достойных, кто мыслит и судит.
Ведь и отец твой лишь в мысли свободной
Искал основ для грядущих деяний,
Но, призывая грозный меч народный,
Он мудрых не избегал настояний.

Не раз в те годы со свободным мнением,
170 Сидя на раде, выступал я смело, —
Прости же, если, тревожим сомнением,
Скажу, что сердце устам повелело:
Я долго прожил, на мои седины
Легли недаром дела и години..
Нет, это дело — многих бед основа,
И старым людям несвучно и ново.

Уж если правда, что княжить над Лидой
Идешь ты с войском, сражаться готовым, —
Подданным будет, и старым и новым,
180 Поход твой спешный — бедой и обидой:
Старых — манит он добычей неправой,
Новым — цепями грозит и расправой.

Зерном по краю рассыплются вести,
Толпа подхватит, пойдут пересуды,
И плод горчайший родится отсюда.
Он мир отравит, он лишит нас чести;
Все скажут: это пришёл похититель,
Это не князь наш, а жадный грабитель...

Совсем ным был обычай старинный
190 Князей литовских, что переносил
В свой край столицу: помнит век мой длинный
Много примеров этой старой были, —

Коль хочешь прежним отправиться следом,
Лишь повели, — мне обычай тот ведом!

Оповестим мы сначала отряды,
Рыцарство, — то, что в посадах осело,
И то, что в сёла вернулось на гряды, —
Пусть едут в замок на спешное дело;
А ты с панами, старшинами рады,
²⁰⁰ С немалой свитой, чтоб было вернее,
Встретишь их в замке как можно пышнее.
Я же с отрядом поеду тем часом —
Хоть завтра или послезавтра рано —
Вместе с особой святой капеллана
И всем потребным для пира запасом,
Чтоб всё устроить для встречи народа
И было в досталь и дичи и мёда.

Ведь и старшины, не только крестьяне,
Любят за вкусным кусочком гоняться, —
²¹⁰ Они с доверьем тебе подчинятся,
Видя вначале щедрость князей длани;
Всегда так было на Литве и Жмуди,
Спроси, что скажут бывалые люди!»
Кончил — и, к окнам подойдя у свода,
Прибавил: «Ветер. Неверна погода.
Коня я вижу перед самой башней.
Вон рыцарь взялся рукой за подпругу;
Коней проводят два других по кругу;
Послы от немцев: их наряд всегдашний
²²⁰ Узнал я тотчас. Позвать иль со стражей
Ответ посольству передашь ты княжий?»

Так говорил он, как будто случайно
Глядя сквозь ставни из окна покоя.
Но ждал ответа — здесь скрывалась тайна..
Послы от немцев — зачем?.. Что такое?..

И князь Рымвиду сейчас же ответил:
«Если на раду я иду с сомнением
В собственных мыслях, — ты, верно, заметил,
С твоим всех чаще я считаюсь мнением, —
230 Ты уваженья всех достойней в свете:
Так молод в битве и стар на совете.

Но посвящать не люблю я широко
Чужих ни в цели мои, ни в деянья.
Замысл, таймый в глубине сознания,
На солнце вредно выносить до срока:
Пусть он внезапно, как перун, сражает,
Сперва убьёт, а потом просверкает.
Когда? Куда? — предрассветной порою
С немцами вместе — против Руси, Жмуди!»
240 «Князь, быть не может!» — «Быть должно и будет!
Тебе лишь сердце до конца открою:
Я для того и приказал быть в сборе
Коням и людям во всём снаряженьи, —
Знаю Витольда — сейчас или вскоре
Мой путь займёт он — или даст сраженье, —
Или меня на позор и обиду
Иль на смерть бросит, заманивши в Лиду...

Но я недаром вёл тайно беседы
С Орденом прусским⁷ — мне помочь поклялся
250 Магистр: дружину прислать обещался
За часть добычи из общей победы.
Если известье о послах не ложно,
Скажу, что слову его верить можно.

Знак семизвездья в полуночном лоне
Не побледнеет, как в литовском строе
Прибудет — немцев на конях и в броне
Тысяч до трёх и пехотинцев — вдвое.
Сам у Магистра для своей дружины
Коней и кнехтов нашёл я отборных:

260 Все они выше, грузней, чем литвины,
В сплошных доспехах, железных и чёрных;
Знаешь, как меч их искусен и страшен?
А их оружие сравнимо ли с нашим?

Кнехт каждый носит за плечами змея:
Свинцом и сажей накормит заране,
Потом протянет к врагу его шею,
Высечет искру — пасть сейчас же грянет
Огнём и громом. На кого вернее
Кнехт взгляд направит, тех убьёт иль ранит.

270 Таким оружием был убит в дни оны
Дед Седимин на бойницах Велоны... 8

Уж всё готово. Мы выступим рано
Тайной дорогой. Князь Витольд небрежен:
Слабая в Лиде осталась охрана,
Ворвёмся, схватим, сожжём, перережем!»

Рымвид, услышав неожиданные вести,
Не мог опомниться от потрясения:
Он чуял бурю, он искал спасенья,
Терялись мысли, кружились на месте...
280 Но ждать опасно... надо быть на страже...
И в грусти, в гневе он воскликнул: «Княже!
Дожить до братской межусобной брани
Да не допустит нас воля господня!
Топор, о немцев иззубренный ране,
Точить за немцев я должен сегодня?
Вражда есть зло, ты же горшей бедою
Грозишь: нет мира у огня с водою!

Как может статья, чтоб утихла злоба
В сердцах соседей, враждовавших годы,
290 И, примирившись и обнявшись, оба
Друзьями стали, позабыв невзгоды?
Ужель сильнее, чем у нас и соседей,

Вражда друг к другу литвина и ляха?
Вместе ведь пьём мы на пирах, в беседе,
Под общей кровлей ночуем без страха,
Мечи готовим к совместному бою!
Правда, враждует подчас меж собою
Литва и Польша, но втрое сильнее
Враждуют вечно человек и змеи,
100 И всё же, если литвины порою
В гости змею приглашают, ни хлеба,
Ни молока для неё не жалея
Во славу грозных властителей неба, —
Гад прирученный охотно вползает
На руки — тянет в тот же кубок жало,
А ночью крепким кольцом обвивает
Сонному грудь — и не вредит нисколько.

Но не приручишь ты гадов немецких
Ни угощением, ни просьбой, ни даром!
110 Мало ль князья им побросали даром
Прусских богатств и земель Мазовецких? 14
Мигом сожрали — и вновь свои пасти
Тянут к тому, что не в их ещё власти!

Лишь сообща мы добьёмся спасенья:
Тщетно Литва, не считая урона,
Замки их рушит и жжёт поселения;
Проклятый Орден похож на дракона:
Голову срубишь — глядь, на мерзкой шее
Две отрастают, и стал он сильнее!..
120 Нет! Все их надо срубить! А куда
Нас и крыжаков мирить безнадежно:
Ни из князей, ни из прочего люда
В Литве такого найти невозможно,
Кто бы не знал их гордыни всегдашней,
Коварства их не боялся, как страшной
Крымской чумы... Нет, не смерть нам позорна,
А помощь немцев, — их союз — засада!

Лучше железо взять рукой из горна,
Чем жать десницу крыжацкого гада!..

820 Витольд грозит нам? Так разве мы драться
Не выйдем в поле без наемной своры?
Быть может, надо ещё постараться,
Быть может, куколь нашей братской ссоры
Мы вырвем братской рукою приязни,
Меч сберегая для праведной казни...

И почему ты поверил так скоро,
Что Витольд снова нам будет упорно
Препоны ставить и рвать договоры?
Послушай, хочешь, я съезжу повторно
За подтверждением...» — «Нет, Рымвид! Довольно!

Мы договоры витольдовы знаем!
Сейчас он ветром одним подгоняем,
Завтра другое решит своевольно.
Вчера поверил я в княжес слово,
Что Лиды он мне даёт во владенье, —
Сегодня Витольд передумал снова:
В тот час готовит на нас нападение,
Когда мы, войско распустив, бессильны, —
А сам с войсками стоит уж у Вильны.

860 Мне сообщили про лидзскую раду,
Что город князем меня не признает, —
Так Витольд Лиды себе оставляет,
А мне даст земли другие в награду:
Клок голой Руси иль топи да хвою
Варягов с горсткой литовского люда, —
Кровных своих он прогонит оттуда
И завладеет всей святой Литвою!
Вот как решил он! И мне не пытаться?
Разными к цели идёт он путями,

860 Один над всеми он хочет подняться,
Всех, ему равных, попирать ногами!

ЧМЛ в дтл 3
Обл. Библиотека

Литва и так уж с коня не слезает
 Годами из-за витольдовой спеси!
 Грудь нашу вечно железо сжимает,
 В чело врастают шишаки и шлемы, —
 С битвы на битву города и веси
 Целого света изъездили все мы:
 То на Крыжаков то к Татрским отрогам,
 Польши прекрасной жечь и грабить сёла,
 870 То с буйным ветром по степным дорогам
 Громить с наезда обозы монгола...
 И всё, что в замках было взято нами,
 И всех живых, что мечи не скосили,
 Не выгрыз голод и не выжгло пламя,
 Мы добровольно ему приносим.
 Мощь его в наших трудах возрастает
 От финских скал по Хозарское море, —
 Все города за себя он верстаёт, —
 Он замки строит — не нам ли на горе?
 880 Твердыни немцев роскошны и сильны,
 Пруссy на них и взглянуть-то боятся!
 Но даже лучшим из них не сравняться
 С его дворцами у Троков, у Вильны...
 Долина Ковно красотою обильна:
 Руки русалок весной и летом
 Стелют в ней травы, увивают цветом,
 Нет места лучше, чем эта долина...
 Но кто поверит? И цветы и зелень
 Ярче в покоях Кейстутова сына¹¹,
 890 Такими пол там коврами устелен,
 Такие ткани покой украшают!
 В цветах и листьях — шелка, позолота,
 Точно богини ту ткань расшивают:
 То польских пленниц искусных работа!
 Там стёкла блещут по окнам палаты;
 Вывезенные из дальнего края,
 Они сияют, как польские латы,
 Как Неман, вставший из снежного платя,

Когда журчит он, на солнце играя!
 400 А я? За раны, труды и утраты
 Какой удел мне в награду достался?
 За то, что влез я из пелёнок в латы;
 Князь — кумысом, как татарин, питался;
 Верхом до ночи, а там до восхода:
 Грива — подушка, сосна — вместо хаты,
 Пока заря не протрубит похода?..
 За то, что в годы, когда однолетки
 Мои скакали вокруг огорода
 Верхом на палке с оружием из ветки,
 410 Перед сестрёнкой иль бабкой седою
 Себя взаправду считая войсками, —
 Я за татарской гонялся ордою
 Да насмерть биться ходил с поляками?..

Земли ни пядью со времён* Эрдвила¹²
 Не стало больше в отцовских владеньях, —
 Из дуба стены, потолок, стропила,
 Кирпич лишь красный в дворцовых строеньях;
 Пройди покои, где жили когда-то
 Деда, — где стёкла, серебро, сосуды?
 420 Там мокрый камень блестит, а не золото,
 Вместо ковров — мха истлевшего груды...
 За чем я гнался средь битвы кровавой?
 За властью? Датью? Нет, только за славой!

Днесь же и слава угаснуть готова
 В славе Витольда, — он один всех краше!
 Его, как будто второго Миндова¹³,
 За пиром славят вайделоты наши¹⁴
 И для потомков, перстами своими
 Звения на струнах, творят песнопенья...
 430 А кто отыщет в толпе наше имя?
 Кто приподымет из песка забвенья?
 Это не зависть: пусть бьётся с кем хочет,
 Пусть множит славу и мощь боевую,

Пускай лишь алчных зубов он не точит
На земли братьев, на Литву родную!
Давно ль потряс он своими руками
В годину мира столицу литвина?
В великокняжьих города с войсками
Давно ль вошёл он, Ольгердова сына ¹⁶
⁴⁴⁰ Сгнав с престола? Посол его, словно
Гонец Кривейто, княжат назначает ¹⁶,
Княжат смещает от Вильны до Ковно...
Пора покончить! Он нам всем мешает...
Пора — я больше ему не возница!
Пока дух юный жив в душе суровой,
Пока послушен меч руке здоровой,
Пока на крыльях соколиных мчится
Конь, что достался мне с крымской добычей, —
Другой такой же взят Рымвидом-другом,
⁴⁵⁰ Ещё же десять таких, чья обычай,
Хочу я верным раздать своим слугам.
Пока я саблей... пока мой крылатый...»
Тут гнев прервал и дыханье и речи.
Он смолк, но громче забряцали латы, —
Вскочил, и вздрогнул, и выпрямил плечи...
Но что над княжьей головой за пламень
Сверкнул внезапно звездою падучей,
Радугой князя осыпав летучей?
Это клинком он ударил о камень,
⁴⁶⁰ Так рубанул, что от ударов стали
Снопамы искры кругом залетали.

На миг меж ними возникло молчанье,
Но князь промолвил: «Мало толку в споре.
Вторых петухов мы услышим вскоре...
Полночь... Ты понял моё приказанье:
Жди нас с дружиной, ко всему готовой.
Я лягу: надо стряхнуть утомленье, —
Пусть тело силой укрепитя новой —
Три дня не спал я... Нам для выступленья

470 Довольно света от луны багровой;
Мы выйдем скоро и без промедленья —
Сыну Кейстута отмстим за обиду:
В пепел и щебень превратим мы Лиду!..»

Сказав всё это, он хлопнул в ладони;
Вбежали слуги помочь раздеваться, —
Хотел уснуть он без тяжёлой брони,
И поскорей без Рымвида остаться...
И тот, увидя бесполезность спора,
Своё бессилье и гнев Литавора,
480 Ушёл; но долг свой он помнил отлично:
Указ поведал и собрал дружину.
После же в замок вернулся вторично.
Зачем? Опять на совет к господину?
Нет. Шаг направил он к той половине
Спящего замка, где грудой тёмной
Из башни в город мост висел под'ёмный, —
По галлерее он пошёл — к княгине.

Была в те годы женой Литавора
Дочь князя Лиды, — и лицом прекрасным
490 Среди красавиц над Неманом ясным
Всех побеждала Гражина без спора.
Летами схожа с полдневной порою,
Но и не сбросив весны покрывала,
Жены и девы двойной красотой
В одном обличьи она чаровала.
Важность и свежесть в ней так сочетались,
Точно ты в лето глядишься весною:
Юные краски все ещё остались,
Но плод уж зреет от летнего зноя...

500 Но не красой лишь она всех затмила:
Одна Гражина могла похвалиться,
Что стан высокий и стройность и сила
С витязем-мужем достойны сравниться...

И князь с княгиней, когда сонмом слуги
Их окружали, словно низкой чашей,
Высились, точно тополя в округе,
Своей вершиной в небесах шумящей.

Но походила на мужа Гражина
Не только станом — и сердцем свободным:
910 Не знала прялки, зато, как мужчина,
Владела с детства оружием холодным;
Часто на жмудском жеребце галопом
Она скакала, подобная буре,
В шапке из рыси и в медвежьей шкуре,
С толпой стрелков по охотничьим тропам.
Когда ж, окончив мужскую забаву,
Въезжала в замок под грубым убором,
Не раз ей слуги воздавали славу,
Смешав по виду с самим Литавором.

920 Так, сочетая забавы с трудами,
Она делила — с вешним солнцем схожа —
С князем и мысли, и сердце, и ложе,
И власть над войском и над городами,
И суд, и тайный договор, и войны
Решала часто советом достойным.
Но посторонний не ведал об этом:
Была Гражина не женой обычной,
Хвастающейся перед целым светом
Властью над домом, ещё непривычной, —
930 Она, напротив, ото всех таила,
Что так владеет душою супруга,
И в эту тайну не проникнуть бы.
Ни взору близких, ни доверью друга...

Но мудрый Римвид в предстоящей брани
Чуял опору в одной лишь Гражине, —
И он открыто поведал княгине

Всё, что увидел и что знал заранее:
Поруху древним обычьям и роду,
Бесчестье князю и позор народу.

- ⁵⁴⁰ Гражину сильно поразили вести, —
Всё ж она скрыла и боль и обиду.
Когда, как будто не веря известью,
Она сказала, не подав и виду:
«Не знаю, больше ль над княжескою честью
Власть слова женщин, чем слова Рымвида,
Но знаю твёрдо: муж разумно судит,
И знаю: как он решит, так и будет.
Если же гнева порыв и заставит
Разбушеваться порой его душу,
- ⁵⁶⁰ И всё беспечно на словах он рушит,
И выше долга желанья ставит, —
Время, конечно, от бед нас избавит,
Прояснит мысли и порыв потушит.
Пока же нам из-за речей супруга
Не след тревожить и пугать друг друга.»

- «Прости, княгиня! То не были речи,
Что, с губ срываясь, не прожив мгновенья,
В памяти гаснут, как луч в немеречи;
То не подобные дыму решенья,
- ⁵⁸⁰ Родившиеся от внезапной встречи
Незрелой мысли и силы стремленья, —
Нет, то предвестье для чуткого слуха
Страшного взрыва — дым пожара духа.
Двенадцать лет я при князе бессменно, —
Укрыли годы меня сединою, —
Нр не припомню, чтоб так откровенно
Когда-нибудь он говорил со мною...
Что ж ждать? Решенье его неизменно,
Приказ объявлен — с рассветной звездой
- ⁵⁷⁰ Я встану с войском у гроба Мендога:
Ночь не темна и не длинна дорога...»

«Что слышу? Утром? О, горе мне, горе!
Не допущу я вовек, чтоб на брата
Брат поднял руку; чтоб, Литву позоря,
Жизнь за Гражину взымалась, как плата!..¹⁷
Сейчас же к князю... уж и утро вскоре...
Сейчас — хоть поздно — хоть его палата —
Но не успеет пасть роса с рассветом,
Как я вернусь к вам с желанным ответом!..»

⁸⁸⁰ Быстро простились, и от разговора
Оба — но разным путём — заспешили:
Она — на башню, в покой Литавора
По тайным ходам межзамковых крылий,
Рымвид — туда же, через двор; он скоро
Встал у порога, — слуги дверь закрыли;
Войти не смел он и прижался глазом
К щели — всё видеть и всё слышать разом...

Вот кто-то в белом приоткрыл немного
Тайную дверцу в боковом покое...
⁸⁹⁰ «Кто там? — князь с ложа вскочил. — Что такое?»
«Я», — женский голос отвечал с порога,
И тотчас в спальне заспорили двое...
Рымвиду слушать мешала тревога
И эхо, — глухо звуча за стеною,
Каждая фраза казалась двойною.

А спор за дверью из дуба сначала
То замирал, то опять разгорался;
Но речь Гражины всё чаще звучала,
Речь князя — реже... Вот он засмеялся,
⁹⁰⁰ Вот встал — она на колени упала,
Он подошёл к ней, поднять попытался,
Но вдруг промолвил два-три пыликих слова
И смолк, на ложе возвратившись снова.
И стало тихо. Скрылся облик белый
В тайную дверцу... Отмены добилась

Она приказа иль дальше не смела
Просить — кто знает?.. Но дверца закрылась,
И князь, лишь спальня его опустела,
Опять улётся на ложе, и скоро
510 Сон долгожданный сковал Литавора.

Не стал и Рымвид ожидать часами,
Ушёл. Вдруг видит — на левом балконе
Оруженосец говорит с послами...
Он слов не слышит: гудит над стеною
Ветер, топочут немецкие кони,
Вот стражник дерзко кивнул головою
И на ворота указал рукою, —
И вздрогнул немец — спустился с балкона
Сел на коня и воскликнул надменно:
620 «Смерд! Научил бы я тебя мгновенно,
Когда б посольства не хранил закона!
Святым крестом на комтуровом стяге¹⁸
Клянусь: ни папа, ни канцлер имперский
Не оскорбляли так чин мой вельможный,
Как этот пан твой, трусливый и дерзкий!
Князёк какой-то на Литве ничтожной!..
Мне — ждаться у двери, подобно бродяге?
Слушать приказы от черни острожной?
Но будь покоен: меня не обманет
630 Выкрест-язычник — наказание грянет!
Против Витольда он нас призывает,
Потом обоих обложит войсками, —
Что ж, поглядим, как Витольд отражает
Меч, что вы к шее приблизили сами!»

«Скажите князю — а верить не станет,
Пусть спросит, — трижды скажу ему в битве —
Рыцарь же в слове своём не обманет,
Буквы не сдвинет, как в святой молитве,
И то, что ныне я сказал устами,
340 Рука докажет, готовая к бою —

В яму, что рыли вы для нас, вы сами
Свергнитесь вместе со своим народом,
Сейчас — сегодня — полночной порою...
И в том я, Дитрих Гальштарк фон Книпроде,
Комтур, клянусь вам... Эй, кнехты, за мною!..»

И, не услышав от слуги ни слова,
Помчалась немцы, как ветер погони;
Только порою прозвенит подкова,
Только порою просверкают брони,
660 Только порою проржут где-то кони
В далёких волнах туманного крова —
И лес их в мрачном укрывает лоне...

«С богом! И пусть бы нога их вовеки
Ступать не смела по Литве привольной...» —
Промолвил Рымвид с усмешкой довольной...
«Слава княгине! Но кто в человеке
Сумеет сердца изведать глубины?..
Тот голос гневный, тот взор, так сурово
Горевший, чуть лишь подымал он веки, —
660 Мне не позволил возразить ни слова,
Как будто крыльев искал он орлиных,
Чтоб на Витольда обрушить отмщенье...
И вот — улыбка, поцелуй медовый, —
Опущен меч, дел сменилось теченье...
Да, стар и сед я: позабыл напрасно,
Как князь наш молод, как она прекрасна...»

И долго ждал он, не блеснёт ли в сени
Замковой башни, как звезда, лампада...
Тщетно: все окна утопали в тени...
670 И вновь прошёл он в дворцовые сени —
Быть может, князю говорить с ним надо?
Но молчаливо дремала громада,
И там — в покое — он видел всё то же:
Ночь проплывает, витязь спит на ложе...

«Дивное диво! Уму непостижимо,
Какими ныне всё идёт путями!
Только что в гневе велел мне недвижно
Стоять готовым со всеми войсками —
И спит!.. С рассветом мы выйдем едва ли...
«00 А там уж немцы собрали дружины...
А тут послам их отказ передали...
И с кем же? С оруженосцем Гражины!..

Сколько я понял из ночной беседы —
Хоть приказанья не слышал ни разу,
И княжий гнев не сулил ей победы...
Или княгиня, не веря приказу,
Сама решила избыть наши беды,
Веруя слепо в силу женской ласки?!
Она отважна, но ещё ни разу
«00 Так не дерзала... Я боюсь развязки, —
Уж слишком крылья она распустила,
Хотя любовь и великая сила...»

Но тут нарушил слуга его думу,
Маня, мигая, чтоб шёл он скорее.
И заспешили они к галлерее, —
Туда служанка вбежала без шуму.
В покое пани его повстречала
И начала, дверь замкнувши, сначала:

«Советник старый! Творится лихое...
100 Но есть надежда: мы избудим горе.
Пусть нас «сегодня» лишило покоя,
Лучшее «завтра» увидим мы вскоре!
Не надо шума, запасись терпением,
Пускай никто не болтает об этом, —
Послов отпустим мы с должным почтеньем,
Чтобы поспешным, незрелым ответом
С немцами князь не связался... Гнев минет,
Он сам отступит, как только остынет...

Но ты не бойся: он поймёт причину,
110 Ведь я решенья его не нарушу, —
Так же и после сберёт он дружину,
Если уж время не излечит душу...
Князь ночью ехать собрался — не скрою:
Он слишком быстро решает порою, —
Вчера лишь встав на домашнем пороге,
Служив доспехи для мирного крова,
Не отдохнув от далёкой дороги,
Ужели в битву он ринется снова?»

«Пани! Что слышу? Какая отсрочка?
720 Ты рассчитала, должно быть, неверно:
Как? После стольких шагов — проволочка?
Он ждать ни часу не станет, наверно...
Но расскажи мне, как было всё дело,
Сказала ль ты о беде неминучей?»

Только ответить княгиня хотела,
Как новый — грозный — прервал её случай:

Промчался конь по двору... На пороге
Оруженосец предстал, задыхаясь,
С неожиданной вестью: дозор, продвигаясь
730 Этою ночью по Лидзской дороге,
Взял языка. По словам того беса,
Вождь-крестоносец с дружиной отменной —
Конница, пушки — выходит из леса,
Чтоб на рассвете, как сознался пленный,
Разбив заслон и овладев окопом,
Город и замок штурмовать всем скопом.

«Пусть Рымвид тотчас отправится к пану:
Медлить с решеньем мы не можем доле...
Где встретить немцев? В открытом ли поле,
740 Или на стенах поставить охрану?
Дозор считает, что можно прокрасться

Наперерез — ведь они недалёко, —
Вырезать конных во мгновение ока,
Прежде чем кнехтам и пушкам удастся
Притти на помощь, — меж чащей и рвами
Мы их уложим, а за это время
Успеем кнехтов потоптать конями,
И так сотрём всё змеинное племя!..»

Хоть Рымвид вести дивился немало,
160 Пани с двойным удивленьем внимала:

«Где же посольство? Куда оно скрылось?!»
Оруженосец, вопросом смущённый,
Умолк, в глаза ей взглянув изумлённо:
«Пани! Но как же? Не твоя ли милость
Приказ от князя послать торопилась
Со мной самим — иль забыла ты это? —
Как раз вторые петухи пропели, —
Чтоб я посольство — князь лежал в постели —
Выпроводил за ворота до света?..»

160 «Да, — прошептала княгиня, бледнея,
И смолкла, долу клонясь головою,
Как будто призрак предстал перед нею, —
Да... ведь тебя же... ведь это с тобою...
Как я забыла?.. Теперь вспоминаю...
Пойду — нет, лучше подождём — нет, знаю...»

И вновь умолкла и, веки смежая,
Словно под думой клонилась всё ниже...
Как будто, в сердце её созревая,
Замысел креп — цель означилась ближе,
170 Ещё в тумане, но уже живая,
Вот и созрела отчётливо, ясно...
Княгиня встала и сказала властно:

«К мужу иду я. Превышена мера...
Пусть войско выйдет без всякой помехи!

Паж, ты прикажешь оседлать Гестера,
И остальные дашь князю доспехи.
Скорей! Минуты я с ним не потрачу...
Именем мужа даю повеленье,—
Ты отвечаешь, старик, за удачу;
780 Но пусть не знает о цели стремленья
Никто ни звука до самого боя!
Ждите же князя у дверей покоя!»

Вышла, ни слова не прибавив боле;
Вышел и Рымвид... «Что хочет Гражина?
Куда идём мы? На зов господина
Вожди явились и даны пароли...»

Он отдышался и, шаг замедляя,
Меряя взором дворцовые плиты,
Остановился, луною залитый,
790 Не то забывшись, не то размышляя:
В мозгу усталом, под светом холодным,
Кружились мысли в смятении бесплодном...

«Нет! Ждать напрасно!.. Уж и утро скоро...
Загадка тотчас должна разъясниться, —
Спит или не спит он—я должен добиться!..»
И заспешил он в покой Литавора.
Но в это время, скрипнув тяжкой дверью,
Сам Литавор, весь закованный в латы,
Вышел из сеней дворцовой палаты
800 В закрытом шлеме: колышутся перья,
Пурпур и золото горят на одежде, —
Так одевался он на бой и прежде, —
В левой руке — щит, в боях заслуженный,
В деснице — пояс от меча ремённый.

Но шёл он, словно усталый от гнева,
Неверным шагом; на дворе широком
Витязей храбрых ни справа, ни слева
Он не окинул приветственным оком;

Взял лук с колчаном и, вздрогнув, как дева,
110 Меч свой привесил у правого бока.
И хоть ошибка не скрылась от взора
Войска — кто смел остеречь Литавора?

Вот вниз он сходит: уже плещет знамя
Над днём кровавым золотым рассветом;
Сел на Гестера; рога над рядами
Поднялись в небо прогреметь приветом,
Но знак даёт он — и двинулись роты
В полном молчаньи. Замкнулись ворота, —
Слуг же и челядь, негодную к брани,
120 За мост и стены он вывел заране.

Но князь поехал не дорогой торной, —
Войско спустилось, свернуло направо
К гряде курганов и заросли чёрной;
И полукругом, укрываясь в травы,
Вышло к оврагу по узкому логу,
Потом свернуло опять на дорогу.

Так далеко от городской заставы,
Как слышен грохот ружейного грома,
Узкая речка сквозь лес величавый
130 Бежит и вьётся, немногим знакома,
И у дороги, где конец дубравы,
В озеро входит; там гладь водоёма
Пуща с боков укрывает стеною,
А сзади — поле с высокой горою.
И видит войско: у горной громады
Брони в сияньи луны заблистали,
Сверкнули копий стальные ограды,
Окрик — тревога — и гремят пищали,
Рыцари мчатся и строят отряды —
140 Стеной железной крестоносцы встали...

Так лунной ночью Понарские боры
Блещут зимою под теменью синей,

Когда с них ветер ошиплет уборы
Лета, и холод, свой бисерный иней
Развесив, выткет алмазов узоры, —
И видит путник, бредущий устало,
Лишь серебро да стволы из кристалла...

В гневе при виде крестоносной своры
Помчался князь, как порыв урагана,
860 Помчался следом отряд Литавора,
Вожди дивятся: наобум, без плана,
Пустил он войско — с одного напора
Трудно достигнуть до вражьего стана.
Как двигать фланги? Как вести сраженья?
Нет ни приказа, ни распоряженья...

Но Рымвид, княжей выразитель воли,
Уж строит рати: подковой сжимая
Их под горою, выводит на поле —
Княжих в средину, а лучников с края
860 (Всегда Литва так сражалась дотолё).
Даёт команду — стрел пернатых стая
Помчалась, лают ружейные пасти:
«Jesus-Maria!!!» «Hop! Hop! Poss und dastich!!!»¹¹
И только копыя вложили по крючьям,
Как рати сшиблись в упор, грудь ко груди
(Зачем ту битву потоком летучим
Смыли века и позабыли люди?)
Кипит сраженья громовым созвучьем,
Свои, чужие бьются в общей груди,
870 Хрустит оружие, шлемы, кости, брони, —
Что меч оставит, то потопчут кони...

Князь всюду первый: точно ветер бурный
Сечёт он, колет змеиное племя,
Знают крыжаки его плащ пурпурный,
Гербы на латах и гербы на шлеме,
Пятятся в страхе под его напором, —
Гонит их витязь меж горой и бором.

Но почему же в нём силы ослабли?
Какие боги его наказали?

666 Что из того, что разит его сабля?
Она не ранит, лишь звенит по стали,
И, хоть он машет ей неумоимо,
То бьёт плашмя, то ударяет мимо...

Видя воочью бессилье атаки,
Приободрилась железная стая;
Толпой на князя понеслись крыжаки,
Лесом из копий его окружая,
А он, то ль в страхе, то ль сдавленный ратью,
На щит и саблю не умеет брать их...

700 Целым он выйти сумел бы едва ли:
Колет, стреляет, сечёт крестоносец.
Но стену копий литвины прорвали:
Этот удары бердышом наносит,
Тот защищает от ударов князя,
А тот скользит уж по крови и грязи...

...Уже заря на облаках восхода
Алые кудри свои разметала,
А бой всё длится... Не видно исхода:
Вслепую бьются рукою усталой,
800 И бог победы, взвесив два народа,
Числит их жребий и на чаши рока
Равный вес крови собирает до срока.

Так Неман, пестун кораблей отважных,
В Румшисе встретясь с великаном старым²⁰
Его сжимает в объятиях влажных,
И грудь вздымая в стремлении яром,
Дно подмывает; но утес могучий,
Высясь над бездной гранитною кручей,
Стоит недвижно — и Неман грохочет
900 И путь привычный изменить не хочет...

Но у крыжаков ещё оставался
В запасе свежий отряд: в нетерпении
От долгой битвы, он с горы помчался, —
Вёл его Кóмтур... В тяжёлом сраженьи
Литва устала, и чуть не достался
На долю князя позор пораженья, —
Уже и войско всё слабей боролось, —
Когда громовый послышался голос...

Глядят — какой-то богатырь могучий
920 Взыбил коня. Как над снежной горою
Ель простирает под вьюгой летучей
Сумраком чёрным лохматую хвою, —
Так плащ широкий обнял чёрной тучей
Чёрные латы и коня героя..
Он трижды крикнул и, подобный грому,
Ринулся в бой, никому не знакомый...

И сразу сгинул он в своре немецкой.
Битвы не видно: лишь стон да смятенье
Там, где взмахнёт он рукой молодецкой,
930 Там, где промчится он грозною тенью, —
Здесь шлемы сбиты, тут падает знамя,
Пятятся рати, мешаясь рядами...

Как лесорубы, когда они в чаще
Валят деревья, и слышен далёко
Гул от ударов и отзвук хрипящий
От пил зубчатых, и кроны высокой
Видно паденье всё чаще и чаще, —
Сами же долго незримы для ока, —
Так, прорубая сквозь немцев дорогу,
40 Витязь к литовцам спешит на подмогу.

Скорее, рыцарь! Укрепи их волю!
Есть ещё время — не сдалась дружина,
Но уже чует грядущую долю:
Мечей и копий стальная щетина

Сломлена немцем... Уж Комтур по полю
Рыщет за князем — вот гербы литвина:
Князь не таится... И съехались двое
Для рокового, смертельного боя.

Князь поднял саблю для удара — поздно!
980 Уж грянул Комтур чугунной пищалью...
Князь пошатнулся — дым клубится грозно...
Следят литовцы со страхом, печалью, —
Виснут поводья, выпадают розно,
Никнет десница с бесполезной сталью,
С седла на землю заскользило тело...
Тут лишь дружина к нему подоспела.

Тогда, со стоном, быстрее, чем тучи
Грома рождают, чем блещет зарница,
Быстрей лавины, сорвавшейся с кручи,
990 Безвестный рыцарь на Комтура мчится:
Сшиблись — и Комтур под конём героя!
Дрогнули немцы — бегут с поля боя...
А рыцарь мчится туда, где дворяне
Князя укрыли; склонился над телом,
Ремень обрезал, пробитые в брани
Латы в крови снял движеньем умелым,
Приник к глубокой огнестрельной ране...
От боли павший в сознание приходит,
Слуг своих взором печальным обводит,
970 И, вновь спуская на лицо забрало,
Гонит во гневе их скорбную стаю;
Только Рымвиду рука его сжала
Правую руку: «Старик, умираю!
Чти мою тайну... Здесь — у сердца — жало...
Ты знал: я долга вовек не нарушу...
Скорее в замок — там предам я душу!...»

Рымвид не смеет поверить: глазами
Впиваясь в князя, он терлет разум;

Бросает руку, что залил слезами,
980 Пронзает холод и жар его разом —
Узнал он голос, не узнанный ночью:
Теперь лишь правду он видит воочью...

Рыцарь же, старцу поводья вручая,
Спешит в дорогу: вновь склонился к пану,
В мощном объятьи его заключая,
Взял на седло и глубокую рану
Зажал ладонью... Так умчались трое
С поля уже затихавшего боя.
990 Вот прискакали к городским окопам, —
Жужжит весь город толпою огромной,
Но быстро между любопытным скопом
К воротам замка через мост подъёмный
Они тяжёлым промчались галопом;
Мост поднялся, и замкнулись засовы, —
Так рыцарь страже приказал дворцовой.

Вскоре и войско подошло к столице.
Увы! не радость от этой победы —
Такой великой — освещала лица, —
Сердца сжимались, предчувствуя беды,
1000 Шептался каждый о здравьи пана:
«Где он?.. и жив ли?.. и как его рана?..»

Никто не знает... Дворец молчаливый
Наглухо заперт... А уже в округе
По рвам, оврагам дворцовые слуги
Рубят валежник, валят сосны, ивы,
И на повозках в длинном-длинном цуге
Сучья, стволы и щепу торопливо
Отвозят в город, волочя из лога, —
И крепнет в душах печаль и тревога...

1010 ...Перед святыней бога стрел перуных²¹,
И бога ветра — бога бури гневной²²

Там, где волов и овец тонкорунных
Кровь обагрят алтарь ежедневно,
Костёр воздвигнут, огромен и ровен,
Из груды сучьев и мачтовых брёвен.

Посередине к дубовому колу
Тройною цепью из колец железных
Прикован пленник на коне тяжёлом
В шлеме и латах — увы! — бесполезных,
1020 То вождь крыжачков — он знатного рода:
Убийца князя, Дитрих фон Книпрде²³

Спешат мещане, бойцы, капелланы,
Гадать не смея, конца ожидают:
Быть может, князь не погибнет от раны?
Страх и надежда друг друга сменяют,
Следят за замком напряжённым взглядом...
Смутные слухи ползут по отрядам...

Но вот на башне трубный клич раздался.
Спустился мост и в торжественном строе
1030 С траурным стягом кортеж показался:
Он на щитах нёс останки героя,
Лук, меч, копьё и узду; развевался
Плащ под щитами, всё пурпуром края,
Плащ Литавора, — но черты скрывало
Холодную сталью сплошное забрало.
То он — властитель великого края!
Нет ему равных ни в едином граде, —
Громить ли немца, крушить ли Ногая,
Судом ли ведать на княжеской раде!
1040 Князь! Отчего же старина святая
Тебе не светит в печальном обряде?
Так ли водили по древним веленьям
Князей литовских к загробным селеньям?
Зачем на небо не идёт с тобою
Твой копыеносец, всей земли дороги

С тобой прошедший? И соратник боя
С седлом порожним, твой конь тонконогий
В траурной сбруе? И твой сокол гордый,
И псы, что ветер рассекали мордой?

1688 ...Уж тело князя на вершине сруба;
Полит костёр и молоком и мёдом;
Уж вайделоты под флейты и трубы
Павшего славят, уж старейший родс..
Взял нож священный — и факел пылает, —
Вдруг чёрный рыцарь к костру подъезжает.

Кто он? Откуда? — шопот, гул, смущенье.

Но войском узнан он с первого взгляда:

Когда их силы иссякли в сраженьи,

Ранен был князь и разбиты отряды.

1690 Как гром он грянул, как перун во мраке, —

И Комтур — пленник, и бегут крыжачи...

Но больше войско ничего не знало:

Ни кто он родом, ни зачем он снова

Явился, шпоря коня боевого,

Весь в чёрных латах... И тихо забрало

Сдвигает рыцарь — Литавор пред ними!

От изумленья все лишились слова,

Но скоро радость при виде живого,

Кто так оплакан, овладела ими,

1696 И достигают до небес их клики:

«Жив Литавор наш! Жив наш князь великий!!!»

С бледным челом под боевым убором

Стоит он, громы приветствий встречая,

Обводит толпы благодарным взором,

Лёгкой улыбкой на клик отвечая, —

Но не улыбкой, от сердца идущей,

Что, словно солнце, озаряет лица,

А той, мгновенной — лишь миг она длится,

Как луч, сквозь тучи мелькнувший над пущей...

1080 Так украшают цветы полевые
Бесстрастной смерти черты роковые.

«Костёр зажгите!» — загудело пламя,
Взбегает князь на костёр: «Вы дивитесь?
Знайте же: та, что лежит перед вами,
Жена — красою, но душою — витязь!
Я отомстил — но не встанет Гражина!!!»

В ужасе, в скорби застыла дружина,
А князь, в молчаньи склонившись к любимой,
Исчез в завесе из огня и дыма²⁴.

ЭПИЛОГ ИЗДАТЕЛЯ

¹⁰⁹⁰ Если ты, мой читатель, читал терпеливо,
Знать же дальше не хочешь, это мне не диво.
Смысла в пряже событий не схвативши ясно,
Любознательность гаснет, погорев напрасно...
Почему князь остался, но послал Гражину?
Почему стал неожиданно выручать дружину?
И сама ли княгиня заместила мужа,
И зачем князь на немцев обратил оружие?
Но напрасно ты ждал бы от меня ответа, —
Знай, что автор, кем повесть рассказана эта,
¹¹⁰⁰ Заносил на бумагу правдивые вести,
Лишь о том, что он слышал (он был в этом месте),
До конца же добраться не имея силы,
Лгать не стал, а теперь он — добыча могилы...
Ныне я эту повесть напечатать волен,
И подумал: ты будешь, читатель, доволен,
Если вновь станет явной для людского взора
Всё, что скрытым осталось в судьбе Литавора...
Но, попав в Новогрудок, я встретил молчанье:
Только Рымвид, должно быть, и знал окончанье,
¹¹¹⁰ Но, согбенный годами, он скончался вскоре,
Не обмолвясь ни словом (потомству на горе),
Верно, связанный неким суровым обетом...
К счастью, всё же нашёлся тот, кто был при этом:

Паж Гражины, — он не был обещаньем связан,
 И со мною охотно делился рассказом.
 Я же, видя, что повесть и рассказ едины,
 Записал всё, что знал он о конце Гражины.
 Всё ль тут правда, никто бы не мог поручиться,
 С тем, кто мне не поверит, я не выйду биться.
 1120 Только то, что я слышал, записал я сразу.
 От себя не прибавив ничего к рассказу.
 Паж же так говорил мне: «Княгиня вначале
 На коленях молила — в волнении, в печали, —
 Чтобы князь на Литву не призывал Комтура;
 Князь же, в гневе упорном, отвечал ей хмуро:
 «Нет» и «нет» — то ль над просьбой её издеваясь,
 То ль не внемля... Княгиня же, намереваясь
 Завтра с ним сговориться, мне послов велела
 Задержать во дворе, а, коль удастся дело,
 1130 Прочь спровадить... Ну, я и спровадил... К несчастью,
 Мы ошиблись — отсюда все наши напасти:
 Ибо Комтур, взбешённый приказаньем пана,
 Нам не помощь готовил — огонь и тараны!
 Чуть лишь план крестonosцев стал Гражине ведом.
 Пани бросилась к мужу — я за нею следом,
 Пани входит. Всё тихо — я прокрался тоже —
 Князь, уставший с дороги, тихо спит на ложе...
 Пани остановилась — и будить не стала,
 То ль мешать не хотела, то ль просить устала,
 1140 И сейчас же решила на новое дело:
 Саблю мужа схватила, латы, шлем надела,
 И шепнув мне — «ни звука!» — взгляд, полный доверья,
 На меня обратила и скрылась за дверью,
 Стан окутав пурпурным плащом Литавора.
 Конь внизу был осёдлан — всё свершалось скоро.
 Вдруг я вижу — нет сабли при ней! Вероятно,
 Заспешив, позабыла... Я бегу обратно,
 Не нашёл, возвращаюсь, — замкнулись ворота!
 Глянул в окна — проходит последняя рота...
 1150 Страх обжёт меня, словно раскалённый уголь, —

За княгиней бежать ли? Разбудить супруга ль?
 Жду, волнуясь, а там уж растёт в отдаленьи
 Гулкий гром — тут я понял: началось сраженье...
 Вскоре князь наш проснулся, то ль разбужен шумом,
 То ли выпавшись, — голосом кланчет угрюмым
 Слуг своих... Я вползаю в полумрак палаты
 Полумёртвый от страха... Сабля, шлем и латы —
 Всё исчезло... Князь мечется зверем в капкаме —
 Что-то вспомнил — спешит по переходам к пани —
 1160 Возвращается — выбил засов — выбегает
 На крыльцо... я к окошку — а уже светает...
 Князь прислушивается к далёкому бою,
 Слуг зовёт — нет ответа... Князь грозит рукою, —
 Вниз сбегает, туда, где боевые кони
 Ждут у яслей. Вскочив на седло, шпорит, гонит
 Вороного коня, — и, домчавшись до вала,
 Ищет битву очами (уж заря вставала).
 И опять, дав поводья, быстрее, чем птица,
 Через двор и ворота прямо в город мчится.
 1170 Я конца ожидаю, гляжу из оконца, —
 Всё затихло надолго... Лишь с восходом солнца
 Князь и Рымвид вернулись: в их руках лежала,
 Умирая, Гражина... Кровь струёю алой
 (Страшно вспомнить!) стекала из смертельной раны
 На песок и на плиты... У покоя пана
 Вновь Гражина очнулась, взором, полным муки,
 Посмотрела на мужа, заломила руки
 И, промолвив: «Прости мне... я впервые в жизни
 Изменила тебе — но то был долг отчизне...» —
 1180 Умерла... Князь рыдает — скрыл лицо руками,
 Застывает от горя, точно мёртвый камень, —
 А когда он с Рымвидом клал на ложе тело,
 Я ушёл... Вам известно, чем кончилось дело...»

Так мне оруженосец шептал по секрету.
 Но со смертью Рымвида минул страх запрета,
 Тайна князя открылась литовскому люду,

И теперь эта повесть разошлась повсюду;
В Новогрудке ни девы, ни юноши ныне
Не найдётся, кто б песни не пел о Гражине,
1190 Старики её тянут под напев волынки,
И зовут поле боя — «Долиной Литвинки».

ПОЯСНЕНИЯ

(составлены в основном из примечаний А. Мицкевича)

¹ Имеется в виду древнее племя пруссов, литовского происхождения, покорённое с неимоверной жесткостью немецким (Тевтонским) орденом крестоносцев.

² Рада — совет приближённых при литовских князьях того времени.

³ Витольд (Витаутас) — великий князь литовский, крупнейшая фигура в истории Литвы (1350—1430). В 1410 году в союзе с Польшей совместно с русскими и чешскими отрядами нанёс страшное поражение Тевтонскому ордену под Таинненбергом (битва при Грюнвальде), взяв в плен «Великого магистра» ордена, Ульриха фон Юнгингена. Витольд много и успешно боролся с мелкими литовскими князьями, пытаясь создать единое сильное государство.

⁴ Край Щорса — владения старинного литовского рода Хрептовичей, на восток от Новогрудка.

⁵ Мендог, Миндагос, Миндов — великий князь литовский, сын князя Ринольда, первый объединивший литовские племена и создавший относительно крепкое государство. В 1252 году принял христианство и короновался в Новогрудке королевской короной. Однако Литва ещё сто лет после него оставалась языческой. Около Новогрудка есть высокий холм, который считается его гробницей.

⁷ Имеется в виду Тевтонский орден, во главе которого стоял «Великий магистр».

⁸, ⁹ Гедимин — также один из крупнейших исторических деятелей Литвы. По одним сведениям — сын литовского князя Витена, по другим — его конюший. Значительно расширил пределы Литвы за счёт дантельных войн с крестоносцами и отдельными русскими князьями. Строил города, крепости; покровительственно относился к торговле и ремёслам. Год смерти точно неизвестен: по Новгородской летописи — 1341, по другим сведениям — 1329. Согласно преданию, убит в Вильно (Вильнюс) из огнестрельного оружия, которое впервые появилось у немецких рыцарей.

¹⁰ Князья прусские и мозовецкие неоднократно пытались приостановить агрессию немецкого ордена на восток, вступая с ним в договоры или откупаясь крупными земельными и иными дарами. Однако все эти попытки оказывались тщетными и не только не останавливали, но ещё усиливали агрессию ордена.

¹¹ Кейстутова сына — Витольда.

¹² Эрдвил — литовский князь, занявший Новогрудок после разрушения его Батыем. До татарского нашествия Новогрудком владели русские. Эрдвил вновь отстроил замок, разрушенный Батыем, и провозгласил себя великим князем Новогрудским, захватив прилегающие земли, где после татарского нашествия почти не осталось прежнего населения. Литавор — его прямой потомок. Развалины замка существуют и теперь.

¹³ Миндов — Мендог.

¹⁴ Вайделоты — служители древнего языческого культа Литвы; на их обязанности лежало также и составление сказаний о важнейших событиях на Литве, прославление князей, их подвигов и прочее.

¹⁵ Ольгерд — сын Гедимина.

¹⁷ Имеется в виду обычай уплачивать выкуп за невесту (древнерусское «вено»).

¹⁸ Комтур — начальник войска крестоносцев в отдельном городе или замке. Над «комтурами» стоят «маршалы», затем «грецлер», «великий комтур» и, наконец, «великий магистр».

¹⁹ «Jesus-Maria» — боевой клич Литвы, принявшей во времена Витольда католичество. «Hör! Hör! Ross und dastich!» — боевой клич немцев-крестоносцев.

²⁰ Румшис — местечко, где находится высокая скала, омываемая Неманом, которую литовцы прозвали «Великаном».

²¹ «Бог стрел перуных» — Перкунас — древнелитовский бог грома, особенно чтимый на Литве.

²² Случай сжигания пленных, приносимых таким образом в жертву богам, были нередки в древней Литве.

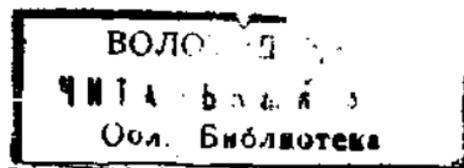
²³ Обычай саможжения был также распространён в эту эпоху, хотя и начал уже отмирать с введением христианства. При сожжении тела какого-либо прославившегося князя с ним сжигали его коня, вооружение, соколов, охотничьих собак, а также некоторых из его слуг, обычно шедших на костёр добровольно. В поэме Литавром руководила, очевидно, ещё и идея очистительной жертвы богам, хотя и за несостоявшуюся, но всё же задуманную измену, поскольку он поставил свои частные интересы выше общего блага Литвы,

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод выполнен, в соответствии с подлинником, силлабическим стихом: перевод поэмы — одиннадцатисложным, со сквозной цезурой после пятого неударного слога, перевод эпилога — тринадцатисложным, со сквозной цезурой после седьмого неударного. Строфика и система рифм также соответствуют подлиннику. Незначительные отступления во избежание преваширования формального приёма над поэтичностью или в тех местах, где встретились непреодолимые трудности из-за специфики языка, сводятся к следующим: чаще, чем в подлиннике, допущено отделение пятого неударного от четвёртого ударного слога; в нескольких местах сдвинута цезура и нарушена последовательность рифм.

28 июня 1944 года

А. Коваленский

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
Гражина	7
Пояснения	44
От переводчика	47

Редактор Е. Книпович
Обложка худ. Н. В. Ильина

Подписано к печати 17/X 1944 г. А—7938.
Тираж 25 000 экз. 1½ печ л. Зак. № 255.
Цена 1 руб.

Филиал тип. изд-ва «Московский большевик»
Москва, Петровка, 17

1 рур

огиз-гослитиздест

12

12